

Анна Ахматова
Поэма без героя
Триптих
(1940—1965)

*Deus conservat omnia*¹.
Девиз на гербе Фонтанного Дома

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Иных уж нет, а те далече...

Пушкин

Первый раз она пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 года, прислав как вестника еще осенью один небольшой отрывок («Ты в Россию пришла ниоткуда...»).

Я не звала ее. Я даже не ждала ее в тот холодный и темный день моей последней ленинградской зимы.

Ее появлению предшествовало несколько мелких и незначительных фактов, которые я не решаюсь назвать событиями.

В ту ночь я написала два куска первой части («1913») и «Посвящение». В начале января я почти неожиданно для себя написала «Решку», а в Ташкенте (в два приема) – «Эпилог», ставший третьей частью поэмы, и сделала несколько существенных вставок в обе первые части.

Я посвящаю эту поэму памяти ее первых слушателей – моих друзей и сограждан, погибших в Ленинграде во время осады.

Их голоса я слышу и вспоминаю их, когда читаю поэму вслух, и этот тайный хор стал для меня навсегда оправданием этой вещи.

8 апреля 1943, Ташкент

До меня часто доходят слухи о превратных и нелепых толкованиях «Поэмы без героя». И кто-то даже советует мне сделать поэму более понятной.

Я воздержусь от этого.

Никаких третьих, седьмых и двадцать девярых смыслов поэма не содержит.

Ни изменять ее, ни объяснять я не буду.

«Еже писахъ – писахъ».

Ноябрь 1944, Ленинград

ПОСВЯЩЕНИЕ

27 декабря 1940

Вс. К.

...

...а так как мне бумаги не хватило,

¹ Бог хранит все (лат.).

Я на твоём пишу черновике.
И вот чужое слово проступает
И, как тогда снежинка на руке,
Доверчиво и без упрёка тает.
И темные ресницы Антиноя²
Вдруг поднялись – и там зелёный дым,
И ветерком повеяло родным...
Не море ли?
Нет, это только хвоя
Могильная, и в накипающие пен
Все ближе, ближе...
Marche funebre³...
Шопен...

Ночь, Фонтанный Дом

ВТОРОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

О. С.

Ты ли, Путаница-Психея⁴,
Чёрно-белым веером вея,
Наклоняешься надо мной,

Хочешь мне сказать по секрету,
Что уже миновала Лету
И иною дышишь весной.

Не диктуй мне, сама я слышу:
Теплый ливень уперся в крышу,
Шепоточек слышу в плюще.

Кто-то маленький жить собрался,
Зеленел, пушился, старался
Завтра в новом блеснуть плаще.

Сплю – она одна надо мною.
Ту, что люди зовут весной,
Одиночеством я зову.

Сплю – мне снится молодость наша,
Та, его миновавшая чаша;
Я ее тебе наяву,

Если хочешь, отдам на память,

² Антиной – античный красавец. (Прим. ред.)

³ Траурный марш (фр.) – примечание А. Ахматовой.

⁴ Путаница-Психея – героиня одноименной пьесы Юрия Беляева. (Прим. ред.)

Словно в глине чистое пламя
Иль подснежник в могильном рву.

25 мая 1945, Фонтанный Дом

ТРЕТЬЕ И ПОСЛЕДНЕЕ (Le jour des rois)⁵

Раз в Крещенский вечерок...

Жуковский

Полно мне леденеть от страха,
Лучше кликну Чакону Баха,
А за ней войдет человек...

Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый Век.

Я его приняла случайно
За того, кто дарован тайной,
С кем горчайшее суждено,

Он ко мне во дворец Фонтанный
Опоздает ночью туманной
Новогоднее пить вино.

И запомнит Крещенский вечер,
Клен в окне, венчальные свечи
И поэмы смертный полет...

Но не первую ветвь сирени,
Не кольцо, не сладость молений –
Он погибель мне принесет.

5 января 1956

ВСТУПЛЕНИЕ

ИЗ ГОДА СОРОКОВОГО,
КАК С БАШНИ, НА ВСЕ ГЛЯЖУ.
КАК БУДТО ПРОЩАЮСЬ СНОВА
С ТЕМ, С ЧЕМ ДАВНО ПРОСТИЛАСЬ,
КАК БУДТО ПЕРЕКРЕСТИЛАСЬ
И ПОД ТЕМНЫЕ СВОДЫ СХОЖУ.

⁵ Канун Крещенья: 5 января. (Прим. ред.)

25 августа 1941, Осажденный Ленинград

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДЕВЯТЬСОТ ТРИНАДЦАТЫЙ ГОД
Петербургская повесть

Di rider finirai
Pria dell' aurora.

Don Giovanni⁶

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз.

1914

С Татьяной нам не ворожить...

Пушкин

Новогодний вечер. Фонтанный Дом. К автору вместо того, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года под видом ряженых. Белый зеркальный зал. Лирическое отступление – «Гость из будущего». Маскарад. Поэт. Призрак.

Я зажгла заветные свечи,
Чтобы этот светился вечер,
И с тобой, ко мне не пришедшим,
Сорок первый встречаю год.

Но...
Господняя сила с нами!
В хрустале утонуло пламя,
«И вино, как отравы, жжет»⁷.

Это всплески жесткой беседы,
Когда все воскресают бреды,
А часы все еще не бьют...

Нету меры моей тревоге,
Я сама, как тень на пороге,

⁶ Смеяться перестанешь раньше, чем наступит заря. Дон Жуан. – примечание А. Ахматовой.

⁷ Отчего мои пальцы словно в крови? «И вино, как отравы жжет?» «Новогодняя баллада», 1923 – примечание А. Ахматовой

Стерегу последний уют.

И я слышу звонок протяжный,
И я чувствую холод влажный,
Каменею, стыну, горю...

И как будто припомнив что-то,
Повернувшись вполоборота,
Тихим голосом говорю:

«Вы ошиблись: Венеция дождей —
Это рядом... Но маски в прихожей
И плащи, и жезлы, и венцы

Вам сегодня придется оставить.
Вас я вздумала нынче прославить,
Новогодние сорванцы!»

Этот Фаустом, тот Дон-Жуаном,
Дапертутто⁸, Иоканааном⁹,
Самый скромный – северным
Гланом,

Иль убийцею Дорианом,
И все шепчут своим дианам
Твердо выученный урок.

А для них расступились стены,
Вспыхнул свет, завыли сирены
И, как купол, вспух потолок.

Я не то что боюсь огласки...
Что мне Гамлетовы подвязки,
Что мне вихрь Саломеиной пляски,
Что мне поступь Железной маски,

Я еще пожелезней тех...
И чья очередь испугаться,
Отшатнуться, отпрянуть, сдаться
И замаливать давний грех?

Ясно все:
Не ко мне, так к кому¹⁰ же?
Не для них здесь готовился ужин,
И не им со мной по пути.

⁸ Дапертутто – псевдоним Всеволода Мейерхольда. (Прим. ред.)

⁹ Иоканаан – святой Иоанн Креститель. (Прим. ред.)

¹⁰ Три «к» выражают замешательство автора. – примечание А. Ахматовой.

Хвост запрятал под фалды фрака...
Как он хром и изящен...
Однако
Я надеюсь. Владыку Мрака
Вы не смели сюда ввести?

Маска это, череп, лицо ли –
Выражение злобной боли,
Что лишь Гойя смел передать.

Общий баловень и насмешник,
Перед ним самый смрадный грешник —
Воплощенная благодать...

Веселиться – так веселиться,
Только как же могло случиться,
Что одна я из них жива?

Завтра утро меня разбудит,
И никто меня не осудит,
И в лицо мне смеяться будет
Закононая синева.

Но мне страшно: войду сама я,
Кружевную шаль не снимая,
Улыбнусь всем и замолчу.

С той, какую была когда-то
В ожерелье черных агатов
До долины Иосафата¹¹
Снова встретиться не хочу...

Не последние ль близки сроки?...
Я забыла ваши уроки,
Краснобаи и лжепророки! —
Но меня не забыли вы.

Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет —
Страшный праздник мертвой листвы.

***Б** Звук шагов, тех, которых нету,
Е По сияющему паркету
Л И сигары синий дымок.
Ы И во всех зеркалах отразился
Й Человек, что не появился
И проникнуть в тот зал не мог.
З Он не лучше других и не хуже,*

¹¹ Долина Иосафата – предполагаемое место Страшного Суда. (Прим. ред.)

*Но не веет летейской стужей,
А И в руке его теплота.
Гость из Будущего! – Неужели
Он придет ко мне в самом деле,
Л Повернув налево с моста?*

С детства ряженных я боялась,
Мне всегда почему-то казалось,
Что какая-то лишняя тень

Среди них «без лица и названья»
Затесалась...
Откроем собрание
В новогодний торжественный день!

Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану
И других бы просила...
Постой,

Ты как будто не значишься в списках,
В калиострах, магах, лизисках¹², —
Полосатой наряжен верстой, —

Размалеван пестро и грубо —
Ты... ровесник Мамврийского дуба¹³,
Вековой собеседник луны.

Не обманут притворные стоны,
Ты железные пишешь законы,
Хаммураби, ликурги, солон¹⁴
У тебя поучиться должны.

Существо это странного нрава.
Он не ждет, чтоб подагра и слава
Впопыхах усадили его
В юбилейные пышные кресла,

А несет по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество.

И ни в чем не повинен: ни в этом,
Ни в другом и ни в третьем...
Поэтам
Вообще не пристали грехи.

¹² Лизиска – псевдоним императрицы Мессалины в римских притонах. (Прим. ред.)

¹³ Мамврийский дуб – см. Книгу Бытия. (Прим. ред.)

¹⁴ Хаммураби, Ликург, Солон – законодатели. (Прим. ред.)

Проплясать пред Ковчегом Завета¹⁵
Или согнуться!...
Да что там! Про это
Лучше их рассказали стихи.

Крик петуший нам только снится,
За окошком Нева дымится,
Ночь бездонна и длится, длится –
Петербургская чертовня...

В черном небе звезды не видно,
Гибель где-то здесь, очевидно,
Но беспечна, прятна, бесстыдна
Маскарадная болтовня...

Крик:
«Героя на авансцену!»
Не волнуйтесь: дылде на смену
Неприменно выйдет сейчас
И споет о священной мести...

Что ж вы все убегаете вместе,
Словно каждый нашел по невесте,
Оставляя с глазу на глаз

Меня в сумраке с черной рамой,
Из которой глядит тот самый,
Ставший наигорчайшей драмой
И еще не оплаканный час?

*Это все наплывает не сразу.
Как одну музыкальную фразу,
Слышу шепот: «Прощай! Пора!
Я оставлю тебя живою.
Но ты будешь моей вдовою.
Ты – Голубка, солнце, сестра!»
На площадке две слитые тени...
После – лестницы плоской ступени,
Вопль: «Не надо!» – и в отдаленье
Чистый голос:
«Я к смерти готов».*

Факелы гаснут, потолок опускается. Белый (зеркальный) зал¹⁶ снова делается комнатой автора. Слова из мрака:

¹⁵ Ковчег Завета – см. Библию. (Прим. ред.)

¹⁶ Зал – Белый зеркальный зал в Фонтанном Доме (работы Кваренги) через площадку от квартиры автора. (Прим. ред.)

Смерти нет – это всем известно,
Повторять это стало пресно,
А что есть – пусть расскажут мне.

Кто стучится?
Ведь всех впустили.
Это гость зазеркальный? Или
То, что вдруг мелькнуло в окне...

Шутки ль месяца молодого,
Или вправду там кто-то снова
Между печкой и шкафом стоит?

Бледен лоб и глаза открыты...
Значит, хрупки могильные плиты,
Значит, мягче воска гранит...

Вздор, вздор, вздор! – От такого вздора
Я седую сделаюсь скоро
Или стану совсем другой.

Что ты манишь меня рукою?!

За одну минуту покоя
Я посмертный отдам покой.

ЧЕРЕЗ ПЛОЩАДКУ Интермедия

Где-то вокруг этого места («...но беспечна, пряна, бесстыдна маскарадная болтовня...») бродили еще такие строки, но я не пустила их в основной текст:

«Уверяю, это не ново...
Вы дитя, синьор Казанова...»
«На Исакьевской ровно в шесть...»

«Как-нибудь побредем по мраку,
Мы отсюда еще в «Собаку»¹⁷...
«Вы отсюда куда?» —
«Бог весть!»

Санчо Пансы и Дон-Кихоты
И, увы, содомские Лоты¹⁸
Смертоносный пробуют сок,

¹⁷ «Собака» – «Бродячая собака», артистическое кабаре десятых годов. (Прим. ред.)

¹⁸ Сodomские Лоты – (см. Бытие, гл.). (Прим. ред.)

Афродиты возникли из пены,
Шевельнулись в стекле Елены,
И безумья близится срок.

И опять из Фонтанного Грота¹⁹,
Где любовная стонет дремота,
Через призрачные ворота
И мохнатый и рыжий кто-то
Козлоногую приволок.

Всех наряднее и всех выше,
Хоть не видит она и не слышит —
Не клянет, не молит, не дышит,
Голова Madame de Lamballe,

А смиренница и красотка,
Ты, что козью пляшешь чечетку,
Снова гулишь томно и кротко:
«Que me veut mon Prince
Carnaval?»²⁰

И в то же время в глубине залы, сцены, ада или на вершине гетевского Брокена
появляется. Она же (а может быть – ее тень):

Как копытца, топочут сапожки,
Как бубенчик, звенят сережки,
В бледных локонах злые рожки,
Окаянной пляской пьяна, —

Словно с вазы чернофигурной
Прибежала к волне лазурной
Так парадно обнажена.

А за ней в шинели и в каске
Ты, вошедший сюда без маски,
Ты, Иванушка древней сказки,
Что тебя сегодня томит?

Сколько горечи в каждом слове,
Сколько мрака в твоей любви,
И зачем эта струйка крови
Бередит лепесток ланит?

ГЛАВА ВТОРАЯ

¹⁹ Фонтанный грот – построен в 1757 г. Аргуновым в саду Шереметевского дворца; был разрушен в начале десятих годов. (Прим. ред.)

²⁰ Чего хочет от меня мой принц Карнавал? (фр.) – примечание А. Ахматовой.

Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?

1913

Спальня Героини. Горит восковая свеча. Над кроватью три портрета хозяйки дома в ролях. Справа она – Козлоногая, посредине – Путаница, слева – портрет в тени. Одним кажется, что это Коломбина. другим – Донна Анна (из «Шагов Командора»). За мансардным окном арапчата играют в снежки. Метель. Новогодняя полночь. Путаница оживает, сходит с портрета, и ей чудится голос, который читает:

Распахнулась атласная шубка!
Не сердись на меня, Голубка,
Что коснусь я этого кубка:
Не тебя, а себя казню.

Все равно подходит расплата —
Видишь там, за вьюгой крупчатой,
Мейерхольдовы арапчата
Затевают опять возню.

А вокруг старый город Питер,
Что народу бока повытер
(Как тогда народ говорил), —

В гривах, в сбруях, в мучных обозах,
В размалеванных чайных розах
И под тучей вороньих крыл.

Но летит, улыбаясь мнимо,
Над Мариинскою сценой грима,
Ты – наш лебедь непостижимый, —
И острит опоздавший сноб.

Звук оркестра, как с того света
(Тень чего-то мелькнула где-то),
Не предчувствием ли рассвета
По рядам пробежал озноб?

И опять тот голос знакомый,
Будто эхо горного грома, —
Ужас, смерть, прощенье, любовь...

Ни на что на земле не похожий,
Он несется, как вестник Божий,
Настигая нас вновь и вновь.

Сучья в иссиня-белом снеге...

Коридор Петровских Коллегий²¹
Бесконечен, гулок и прям

(Что угодно может случиться,
Но он будет упрямо сниться
Тем, кто нынче проходит там).

До смешного близка развязка;
Из-за ширм Петрушкина маска^{22, 23}
Вкруг костров кучерская пляска,
Над дворцом черно-желтый стяг...

Все уже на местах, кто надо;
Пятым актом из Летнего сада
Пахнет... Признак цусимского ада
Тут же. – Пьяный поет моряк...

Как парадно звенят полозья
И волочится полость козья...
Мимо, тени! – Он там один.

На стене его твердый профиль.
Гавриил или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?

Демон сам с улыбкой Тамары,
Но такие таятся чары
В этом страшном дымном лице —

Плоть, почти что ставшая духом,
И античный локон над ухом —
Всё таинственно в пришлеце.

Это он в переполненном зале
Слал ту черную розу в бокале
Или все это было сном?

С мертвым сердцем и мертвым взором
Он ли встретился с Командором,
В тот пробравшись проклятый дом?

И его поведано словом,
Как вы были в пространстве новом,
Как вне времени были вы, —

²¹ Коридор Петровских Коллегий – коридор Петербургского университета. (Прим. ред.)

²² Петрушкина маска – «Петрушка», балет Стравинского. (Прим. ред.)

²³ Вариант: Чрез Неву за пятак на салазках. – примечание А. Ахматовой.

И в каких хрусталях полярных,
И в каких сияньях янтарных
Там, у устья Леты – Невы.

Ты сбежала сюда с портрета,
И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать.

Так плясать тебе – без партнера!
Я же роль рокового хора
На себя согласна принять.

*На щеках твоих алые пятна;
Шла бы ты в полотно обратно;
Ведь сегодня такая ночь,
Когда нужно платить по счету...
А дурманящую дремоту
Мне трудней, чем смерть, превозмочь.*

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!

Что глядишь ты так смутно и зорко,
Петербургская кукла, актерка,
Ты – один из моих двойников.

К прочим титулам надо и этот
Приписать. О подруга поэтов,
Я наследница славы твоей,

Здесь под музыку дивного мэтра —
Ленинградского дикого ветра
И в тени заповедного кедра
Вижу танец придворных костей...

Оплывают венчальные свечи,
Под фатой «поцелуйные плечи»,
Храм гремит: «Голубица, гряди!»²⁴

Горы пармских фиалок в апреле —
И свиданье в Мальтийской капелле²⁵,
Как проклятье в твоей груди.

²⁴ «Голубица, гряди!» – церковное песнопение; пели, когда невеста вступала на ковер в храме. (Прим. ред.)

²⁵ Мальтийская капелла – построена по проекту Кваренги в 1798—1800 гг. во внутреннем дворе Воронцовского дворца, в котором потом помещался Пажеский корпус. (Прим. ред.)

Золотого ль века виденье
Или черное преступленье
В грозном хаосе давних дней?

Мне ответь хоть теперь: неужели
Ты когда-то жила в самом деле
И топтала торцы площадей
Ослепительной ножкой своей?...

Дом пестрей комедьянтской фуры,
Облупившиеся амуры
Охраняют Венерин алтарь.

Певчих птиц не сажала в клетку,
Спальню ты убрала как беседку,
Деревенскую девку-соседку
Не узнает веселый скобарь²⁶.

В стенах лесенки скрыты витые,
А на стенах лазурных святыя —
Полукрадено это добро...

Вся в цветах, как «Весна» Боттичелли,
Ты друзей принимала в постели,
И томился драгунский Пьеро, —

Всех влюбленных в тебя суеверней
Тот, с улыбкой жертвы вечерней,
Ты ему как стали – магнит.

Побледнев, он глядит сквозь слезы,
Как тебе протянули розы
И как враг его знаменит.

Твоего я не видела мужа,
Я, к стеклу приникавшая стужа...
Вот он, бой крепостных часов...

Ты не бойся – дома не мечу, —
Выходи ко мне смело навстречу —
Гороскоп твой давно готов...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ведь под аркой на Галерной...

²⁶ Скобарь – обидное прозвище псковичей. (Прим. ред.)

А. Ахматова

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем.

О. Мандельштам

То был последний год...

М. Лозинский

Петербург 1913 года. Лирическое отступление: последнее воспоминание о Царском Селе. Ветер, не то вспоминая, не то пророчествуя, бормочет:

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл

По неведомому назначенью,
По Неве иль против течения, —
Только прочь от своих могил.

На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.

Оттого, что по всем дорогам,
Оттого, что ко всем порогам
Приближалась медленно тень,

Ветер рвал со стены афиши,
Дым плясал вприсядку на крыше
И кладбищем пахла сирень.

И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый,
Город в свой уходил туман.

И выглядывал вновь из мрака
Старый питерщик и гуляка,
Как пред казнью бил барабан...

И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул...

Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сугробах невских тонул.

Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек, —

А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

*А теперь бы домой скорее
Камероновой Галереей
В ледяной таинственный сад,
Где безмолвствуют водопады,
Где все девять²⁷ мне будут рады,
Как бывал ты когда-то рад.
Там за островом, там за садом
Разве мы не встретимся взглядом
Наших прежних ясных очей,
Разве ты мне не скажешь снова
Победившее смерть слово
И разгадку жизни моей?*

ГАВА ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Любовь прошла, и стали ясны
И близки смертные черты.

Вс. К.

Угол Марсова Поля. Дом, построенный в начале XIX века братьями Адамины. В него будет прямое попадание авиабомбы в 1942 году. Горит высокий костер. Слышны удары колокольного звона от Спаса на Крови. На Поле за метелью призрак дворцового бала. В промежутке между этими звуками говорит сама Тишина:

Кто застыл у померкших окон,
На чьем сердце «палевый локон»,
У кого пред глазами тьма? —

«Помогите, еще не поздно!
Никогда ты такой морозной
И чужою, ночь, не была!»

Ветер, полный балтийской соли,
Бал метелей на Марсовом Поле,
И невидимых звон копыт...

И безмерная в том тревога,

²⁷ Музы. – примечание А. Ахматовой.

Кому жить осталось немного,
Кто лишь смерти просит у Бога
И кто будет навек забыт.

Он за полночь под окнами бродит,
На него беспощадно наводит
Тусклый луч угловой фонарь, —

И дождался он. Стройная маска
На обратном «Пути из Дамаска»
Возвратилась домой... не одна!

Кто-то с ней «без лица и названья»...
Недвусмысленное расставанье
Сквозь косое пламя костра

Он увидел. — Рухнули зданья...
И в ответ обрывок рыданья:
«Ты — Голубка, солнце, сестра! —

Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь моей вдовою,
А теперь...
Прощаться пора!»

На площадке пахнет духами,
И драгунский корнет со стихами
И с бессмысленной смертью в груди

Позвонит, если смелости хватит...
Он мгновенье последнее тратит,
Чтобы славить тебя.
Гляди:

Не в проклятых Мазурских болотах,
Не на синих Карпатских высотах...
Он — на твой порог!
Поперек.

Да простит тебя Бог!

*(Сколько гибелей шло к поэту,
Глупый мальчик: он выбрал эту,
— Первых он не стерпел обид,
Он не знал, на каком пороге
Он стоит и какой дороги
Перед ним откроется вид...)*

Это я — твоя старая совесть
Разыскала сожженную повесть

И на край подоконника
В доме покойника
Положила – и на цыпочках ушла...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ВСЕ В ПОРЯДКЕ: ЛЕЖИТ ПОЭМА
И, КАК СВОЙСТВЕННО ЕЙ, МОЛЧИТ.
НУ, А ВДРУГ КАК ВЫРВЕТСЯ ТЕМА,
КУЛАКОМ В ОКНО ЗАСТУЧИТ, —
И ОТКЛИКНЕТСЯ ИЗДАЛЕКА
НА ПРИЗЫВ ЭТОТ СТРАШНЫЙ ЗВУК —
КЛОКОТАНИЕ, СТОН И КЛЕКОТ —
И ВИДЕНЬЕ СКРЕЩЕННЫХ РУК?...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ РЕШКА

...я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена унылость.

Пушкин

In my beginning is my end.

T. S. Eliot²⁸

...жасминный куст,
Где Данте шел и воздух пуст.

Н. К.

Место действия – Фонтанный Дом. Время – 5 января 1941 г. В окне призрак оснеженного клена. Только что пронеслась адская арлекинада тринадцатого года, разбудив безмолвие великой молчалиницы-эпохи и оставив за собою тот свойственный каждому праздничному или похоронному шествию беспорядок – дым факелов, цветы на полу, навсегда потерянные священные сувениры... В печной трубе воет ветер, и в этом вое можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема. О том, что мерещится в зеркалах, лучше не думать

I

²⁸ В моем начале мой конец. Т. – С. Элиот (англ.) – примечание А. Ахматовой.

Мой редактор был недоволен,
Клялся мне, что занят и болен,
Засекретил свой телефон
И ворчал: «Там три темы сразу!
Дочитав последнюю фразу,
Не поймешь, кто в кого влюблен,

II

Кто, когда и зачем встречался,
Кто погиб, и кто жив остался,
И кто автор, и кто герой, —
И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте
И каких-то призраков рой?»

III

Я ответила: «Там их трое —
Главный был наряжен верстою,
А Другой как демон одет, —
Чтоб они столетьям достались,
Их стихи за них постарались,
Третий прожил лишь двадцать лет,

IV

И мне жалко его». И снова
Выпадало за словом слово,
Музыкальный ящик гремел.
И над тем флаконом надбитым
Языком кривым и сердитым
Яд неведомый пламенел.

V

А во сне все казалось, что это
Я пишу для Артура либретто,
И отбоя от музыки нет.
А ведь сон — это тоже вещица,
Soft embalmer²⁹, Синяя птица,
Эльсинорских террас парапет.

VI

²⁹ Soft embalmer (англ.) – «нежный утешитель» – см. сонет Китса «To the Sleep» («К сну»). (Прим. ред.)

И сама я была не рада,
Этой адской арлекинады
Издали заслышав вой.
Все надеялась я, что мимо
Белой залы, как хлопья дыма,
Пронесется сквозь сумрак хвой.

VII

Не отбиться от рухляди пестрой.
Это старый чудит Калиостро –
Сам изящнейший сатана,
Кто над мертвым со мной не плачет,
Кто не знает, что совесть значит
И зачем существует она.

VIII

Карнавальная полночь римской
И не пахнет. Напев Херувимской
У закрытых церквей дрожит.
В дверь мою никто не стучится,
Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит.

IX

И со мною моя «Седьмая»,
Полумертвая и немая,
Рот ее сведен и открыт,
Словно рот трагической маски,
Но он черной замазан краской
И сухой землей набит.

X

Враг пытал: «А ну, расскажи-ка»,
Но ни слова, ни стопа, ни крика
Не услышать ее врагу.
И проходят десятилетия,
Пытки, ссылки и казни – петь я
В этом ужасе не могу.

XI

И особенно, если снится

То, что с нами должно случиться:
Смерть повсюду – город в огне,
И Ташкент в цвету подвенечном...
Скоро там о верном и вечном
Ветр азийский расскажет мне.

XII

Торжествами гражданской смерти
Я по горло сыта. Повертье,
Вижу их, что ни ночь, во сне.
Отлучить от стола и ложа –
Это вздор еще, но негоже
Выносить, что досталось мне.

XIII

Ты спроси у моих современниц,
Каторжанок, «стоятниц», пленниц,
И тебе порасскажем мы,
Как в беспамятном жили страхе,
Как растили детей для плахи,
Для застенка и для тюрьмы.

XIV

Посинелые стиснув губы,
Обезумевшие Гекубы
И Кассандры из Чухломы,
Загремим мы безмолвным хором,
Мы, увенчанные позором:
«По ту сторону ада мы...»

XV

Я ль растаю в казенном гимне?
Не дари, не дари, не дари мне
Диадему с мертвого лба.
Скоро мне нужна будет лира,
Но Софокла уже, не Шекспира.
На пороге стоит – Судьба.

XVI

Не боюсь ни смерти, ни срама,
Это тайнопись, криптограмма,
Запрещенный это прием.

Знают все, по какому краю
Лунатически я ступаю
И в какой направляюсь дом.

XVII

Но была для меня та тема
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут.
Между «помнить» и «вспомнить», други,
Расстояние, как от Луги
До страны атласных баут³⁰.

XVIII

Бес попутал в укладке рыться...
Ну, а как же могло случиться,
Что во всем виновата я?
Я – тишайшая, я – простая,
«Подорожник», «Белая стая»...
Оправдаться... но как, друзья?

XIX

Так и знай: обвинят в плагиате...
Разве я других виноватей?
Впрочем, это мне все равно.
Я согласна на неудачу
И смущенье свое не прячу...
У шкатулки ж тройное дно.

XX

Но сознаюсь, что применила
Симпатические чернила...
Я зеркальным письмом пишу,
И другой мне дороги нету —
Чудом я набрела на эту
И расстаться с ней не спешу.

XXI

Чтоб посланец давнего века
Из заветнейших снов Эль Греко

³⁰ Баута – в Италии – маска с капюшоном. (Прим. ред.)

Объяснил мне совсем без слов,
А одной улыбкою летней,
Как была я ему запретней
Всех семи смертельных грехов.

XXII

И тогда из грядущего века
Незнакомого человека
Пусть посмотрят дерзко глаза,
Чтобы он отлетающей тени
Дал охапку мокрой сирени
В час, как эта минет гроза.

XXIII

А столетняя чаровница³¹
Вдруг очнулась и веселиться
Захотела. Я ни при чем.
Кружевной роняет платочек,
Томно жмурится из-за строчек
И брюлловским манит плечом.

XXIV

Я пила ее в капле каждой
И бесовскою черной жаждой
Одержима, не знала, как
Мне разделаться с бесноватой:
Я грозила ей Звездной Палатой³²
И гнала на родной чердак³³ —

XXV

В темноту, под Манфредовы ели,
И на берег, где мертвый Шелли,
Прямо в небо глядя, лежал, —
И все жаворонки всего мира³⁴

³¹ Романтическая поэма. – примечание А. Ахматовой.

³² Звездная Палата – тайное судилище в Англии, которое помещалось в зале, где на потолке было изображено звездное небо. (Прим. ред.)

³³ Место, где, по представлению читателей, рождаются все поэтические произведения. – примечание А. Ахматовой.

³⁴ См. знаменитое стихотворение Шелли «To the sky-lark» (англ.). – «К жаворонку». (Прим. ред.)

Разрывали бездну эфира
И факел Георг³⁵ держал.

XXVI

Но она твердила упрямо:
«Я не та английская дама
И совсем не Клара Газуль³⁶,
Вовсе нет у меня родословной,
Кроме солнечной и баснословной,
И привел меня сам Июль».

XXVII

А твоей двусмысленной славе,
Двадцать лет лежавшей в канаве,
Я еще не так послужу,
Мы с тобой еще попируем,
И я царским моим поцелуем
Злую полночь твою награжу».

5 января 1941, Фонтанный Дом; в Ташкенте и после

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЭПИЛОГ

Быть пусту месту сему...

<Евдокия Лопухина>

Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

Анненский

Люблю тебя, Петра творенье!

Пушкин

Моему городу

Белая ночь 24 июня 1942 г. Город в развалинах. От Гавани до Смольного все как на

³⁵ Георг – лорд Байрон. (Прим. ред.)

³⁶ Клара Газуль – псевдоним Мериме. (Прим. ред.)

ладони. Кое-где догорают застарелые пожары. В Шереметевском саду цветут липы и поет соловей. Одно окно третьего этажа (перед которым увечный клен) выбито, и за ним зияет черная пустота. В стороне Кронштадта ухают тяжелые орудия. Но в общем тихо. Голос автора, находящегося за семь тысяч километров, произносит:

Так под кровлей Фонтанного Дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей, —
Я аукалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей,
Где, свидетель всего на свете,
На закате и на рассвете
Смотрит в комнату старый клен
И, предвидя нашу разлуку,
Мне иссохшую черную руку,
Как за помощью тянет он.
Но земля под ногой гудела,
И такая звезда³⁷ глядела
В мой еще не брошенный дом
И ждала условного звука...
Это где-то там – у Тобрука,
Это где-то здесь – за углом.
Ты не первый и не последний
Темный слушатель светлых бредней,
Мне какую готовишь месть?
Ты не выпьешь, только пригубишь
Эту горечь из самой глубины —
Этой нашей разлуки весть.
Не клади мне руку на темя —
Пусть навек остановится время
На тобою данных часах.
Нас несчастье не минует,
И кукушка не закукует
В опаленных наших лесах...

* * *

*А за проволокой колючей,
В самом сердце тайги дремучей —
Я не знаю, который год, —
Ставший горстью лагерной пыли,
Ставший сказкой из страшной были,
Мой двойник на допрос идет.
А потом он идет с допроса,
Двум посланцам Девки безносой
Суждено охранять его.
И я слышу даже отсюда —*

³⁷ Марс летом 1941 г. – примечание А. Ахматовой.

*Неужели это не чудо! –
Звуки голоса своего:*

*За тебя я заплатила
Чистоганом,
Ровно десять лет ходила
Под наганом,
Ни налево, ни направо
Не глядела,
А за мной худая слава
Шелестела.*

* * *

А не ставший моей могилой,
Ты, крамольный, опальный, милый,
Побледнел, помертвел, затих.
Разлучение наше мнимо:
Я с тобою неразлучима,
Тень моя на стенах твоих,
Отраженье мое в каналах,
Звук шагов в Эрмитажных залах,
Где со мною мой друг бродил,
И на старом Волковом Поле³⁸,
Где могу я рыдать на воле
Над безмолвием братских могил.
Все, что сказано в Первой части
О любви, измене и страсти
Сбросил с крыльев свободный стих,
И стоит мой Город «защитый»...
Тяжелы надгробные плиты
На бессонных очах твоих.
Мне казалось, за мной ты гнался,
Ты, что там погибать остался
В блеске шпилей, в отблеске вод.
Не дождался желанных вестниц...
Над тобой – лишь твоих прелестниц,
Белых ноченок хоровод.
А веселое слово – дома —
Никому теперь незнакомо,
Все в чужое глядят окно.
Кто в Ташкенте, а кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький —
Как отравленное вино.
Все вы мной любоваться могли бы,
Когда в брюхе летучей рыбы
Я от злой погони спаслась
И над полным врагами лесом,

³⁸ Волково Поле – старое название Волкова кладбища. (Прим. ред.)

Словно та, одержимая бесом,
Как на Брокен ночной неслась...

И уже предо мною прямо
Леденела и стыла Кама,
И «Quo vadis?»³⁹ кто-то сказал,
Но не дал шевельнуть устами,
Как тоннелями и мостами
Загремел сумасшедший Урал.
И открылась мне та дорога,
По которой ушло так много,
По которой сына везли,
И был долог путь погребальный
Средь торжественной и хрустальной
Тишины Сибирской Земли.
От того, что сделалось прахом,
Обуянная смертным страхом
И отмщения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток.

³⁹ Куда идешь? (лат.) – примечание А. Ахматовой.